

Л.Б. Гудовичева, Л.Ю. Добрынина

ФАКТИЧЕСКИЕ БРАЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ И ПОСЛЕДСТВИЯ В ДЕЛАХ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ) ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

Оцениваются имущественные отношения лиц, состоящих в фактическом браке и имеющих различное правовое регулирование по сравнению с супругами, состоящими в зарегистрированном семейном союзе, с точки зрения вероятности нарушения интересов кредиторов при банкротстве. Закрепление в Законе «О несостоятельности (банкротстве)» прямой юридической аффилированности не исключает необходимости для судов, при рассмотрении споров о признании сделок недействительными, учитывать и фактическую аффилированность совместно проживающих с должником лиц. В статье представлен комплексный анализ практических аспектов имущественных отношений таких граждан, зачастую вступающих в противоречие с интересами других частных лиц и публичными интересами.

Ключевые слова: фактические супружеские отношения; аффилированные лица; брачный договор; расторжение брака; общая собственность; соглашение о разделе общего имущества; недействительная сделка; конкурсная масса.

Главной целью рассмотрения дел о несостоятельности (банкротстве) должника (физического или юридического лица) является максимально возможное удовлетворение требований кредиторов. Арбитражные управляющие и арбитражные суды предпринимают предусмотренные законом меры по формированию конкурсной массы, если речь идет о таких процедурах, как конкурсное производство в отношении юридического лица или процедура реализации имущества применительно к физическому лицу. Для реализации целей процедур банкротства арбитражные управляющие и конкурсные кредиторы оспаривают сделки должника по основаниям, предусмотренным в гражданском законодательстве и по специальным основаниям, имеющимся в Федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)» [1] (далее – Закон о банкротстве). Практика показывает, что весьма распространены среди должников, укрывающих свое имущество от кредиторов, такие сделки, как брачные договоры, соглашения о разделе имущества с супругами, в том числе бывшими супругами, а также договоры дарения и договоры купли-продажи, контрагентами в которых становятся настоящие, бывшие или даже будущие супруги, а также иные родственники, в том числе дети, братья, сестры.

В условиях банкротства должника, при очевидной недостаточности у него денежных средств и иного имущества для расчета по всем долгам, затрагиваются материальные интересы всех кредиторов должника, конкурирующих за распределение конкурсной массы в свою пользу. С другой стороны, в сохранении имущества гражданина-банкрота за собой заинтересованы его бенефициары, что неизбежно влечет вероятность разного рода злоупотреблений, направленных на создание видимости не существовавших в реальности гражданских и семейных правоотношений.

Немало сделок совершается с участием фактических супругов (в том числе бывших). И если супруга, родственников по прямой восходящей и нисходящей линии, сестер, братьев и их родственников по нисходящей линиям, родителей, детей, сестер и братьев супруга ч. 3 ст. 19 Закона о банкротстве однозначно относит к аффилированным лицам, то фактические супруги выходят за рамки данного понятия, что, соответственно, усложняет доказывание факта умышлен-

ного совершения сделок в ущерб интересам кредиторов. В литературе отмечалось, что законодательство о несостоятельности (банкротстве) не включает в число аффилированных к должнику лиц, состоящих с ним в фактических брачных отношениях, это позволяет должнику при их помощи скрывать свое имущество от кредиторов [2]. Вместе с тем предложение об однозначном включении фактических супругов или супругов, находящихся в зарегистрированном браке, но не ведущих совместное хозяйство, в число аффилированных к должнику лиц не соответствовало бы интересам добросовестных участников гражданского оборота, т.е. супругов, которые не принимали участия в сокрытии имущества должника.

В ряде случаев несвоевременное расторжение брака является следствием неразумного и недальновидного поведения одного или обоих супругов либо направлено на избежание причинения морального вреда несовершеннолетним детям, тяжело переживающим распад семьи, хотя совместное проживание давно завершено. Так, в ходе рассмотрения Арбитражным судом Свердловской области по делу № А60-54412/2015 обособленного спора по иску финансового управляющего к должнику и его бывшей супруге о признании недействительной сделкой брачного договора были выявлены следующие обстоятельства. Между супругами фактически брачные отношения были прекращены в 2004 г. При этом каждый из них получил в свою собственность по квартире. Муж также получил автомобиль, акции и доли участия в хозяйственных обществах, супруга – долевое участие в строительстве гаража и долевое участие в строительстве офисного помещения. Каждый получал и расходовал свою заработную плату; совместное хозяйство супруги не вели. В 2013 г. между супругами был заключен брачный договор, в соответствии с которым каждому отходило то имущество, которым каждый из них владел и пользовался на момент заключения данного договора. В ноябре 2015 г. в отношении супруга было возбуждено дело о банкротстве, в декабре того же года брак между супругами был расторгнут. В феврале 2016 г. в отношении должника была введена процедура реализации имущества. При рассмотрении спора о признании брачного договора недействительной сделкой были

приведены письменные доказательства фактического раздела имущества в 2004 г. и заслушаны свидетели. Было установлено образование новой фактической брачной связи у должника с начала 2012 г. Все приведенные в данном обособленном споре доказательства, позволили сохранить за бывшей супругой права на ее квартиру (в том числе и как единственное жилое помещение, пригодное для проживания), а также на офисное помещение и гаражный бокс.

На законодательном уровне закреплено, что на законный режим имущества супругов оказывает влияние и такое обстоятельство, как раздельное проживание супругов [3]. Юридическим основанием для отказа в удовлетворении требований арбитражных управляющих являются выводы соответствующих судебных инстанций о том, что презумпция, согласно которой супруг является заинтересованным лицом, является опровержимой. Супружеские отношения лиц, фактически совместно не проживающих, не ведущих совместное хозяйство, финансово независимых, однако связанных записью о состоянии в браке, являются юридической фикцией. При отсутствии фактического содержания юридический брак не предполагает доверительных отношений между супругами, поэтому презумпция заинтересованности в делах друг друга применительно к прекратившим семейные отношения лицам неприменима. Основания применения п. 7 ст. 213.26 Закона о банкротстве в подобных делах отсутствуют.

В делах об оспаривании сделок должника необходимо установить факты совершения этих сделок за счет должника. Совершение сделок заинтересованными лицами еще не означает, что они совершены за счет должника в банкротстве, без установления фактических обстоятельств, непосредственно подтверждающих данное обстоятельство.

Например, при рассмотрении дела № А53-23514/2017 Пятнадцатым арбитражным апелляционным судом были установлены обстоятельства расторжения брака между супругами 26.07.2013 г.; в этот же день ими было заключено соглашение о разделе имущества. В августе того же года бывшая супруга приобрела автомобиль ценой полтора миллиона рублей. В июле 2017 г. она продала автомобиль постороннему лицу (добросовестному покупателю). В августе 2017 г. в отношении бывшего супруга было возбуждено дело о банкротстве, введена процедура реализации имущества. Обособленный спор о признании сделки по продаже автомобиля бывшей супругой должника третьему лицу был возбужден по заявлению финансового управляющего. В качестве оснований своих требований он заявил длительную регистрацию должника по месту жительства бывшей супруги. В качестве правового основания была заявлена норма п. 1 ст. 6.1.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», поскольку оспариваемая сделка совершена бывшей супругой должника в период подозрительности (в течение трех лет и более чем за 1 год до принятия заявления о признании должника банкротом).

Суд отказал в удовлетворении требования финансового управляющего на том основании, что постоян-

ное проживание бывших супругов по одному адресу ещё не является достаточным доказательством для вывода о формальности развода и наличия фактических брачных отношений между указанными лицами. Иных доказательств в обоснование довода о заинтересованности бывших супругов лицами, участвующими в деле, не представлено. Следовательно, оспариваемый договор не может считаться сделкой, совершенной за счет имущества должника [4], и у суда отсутствовали основания проверять наличие обстоятельств, свидетельствующих о недействительности сделки в силу норм главы Закона о банкротстве.

Однако такие выводы суда являются скорее исключением, чем общим правилом. Как неоднократно указывал Высший Арбитражный Суд Российской Федерации в своих актах, в условиях банкротства должника для предотвращения необоснованных требований к должнику и нарушений, тем самым, прав его кредиторов к доказыванию обстоятельств, связанных с возникновением задолженности должника-банкрота, предъявляются повышенные требования [5]. Критерии достаточности доказательств (стандарт доказывания), позволяющие признать требования обоснованными, устанавливаются судебной практикой. В делах о банкротстве к кредиторам, заявляющим свои требования, предъявляется, как правило, повышенный стандарт доказывания (Определение Верховного Суда РФ от 20.09.2018 № 305-ЭС18-6622 по делу № А40-177314/2016). В связи с этим в обязанности судов входит более детальное исследование всех обстоятельств дела по сравнению с обычным спором, тем более если на такие обстоятельства ссылаются лица, участвующие в деле. Для этого требуется судебный анализ не только прямых, но и косвенных доказательств, представленных сторонами, а также оценка их согласованности между собой. В условиях конкуренции кредиторов должника-банкрота возможны ситуации, когда спор по задолженности между отдельным кредитором (как правило, связанным с должником), носит формальный характер и направлен на сохранение имущества должника за его бенефициарами.

В деле Арбитражного суда Дальневосточного края № А73-2826/2016 рассмотрено заявление финансового управляющего о признании недействительной сделкой договора дарения квартиры должником своему малолетнему сыну, в интересах которого действовала фактическая супруга должника. Суд установил, что фактическая супруга должника не могла не знать о финансовой несостоятельности супруга, принимая во внимание тот факт, что после формального прекращения брака должник и заявитель продолжили фактические брачные отношения, о чем свидетельствует рождение совместного ребенка в апреле 2016 г., факт регистрации всех членов семьи должника как до, так и после расторжения брака в одной квартире. Финансовый управляющий доказывал факт злоупотребление правом со стороны фактических супругов как законных представителей малолетнего. Такое злоупотребление правом должно носить явный и очевидный характер, при котором не остается сомнений в истинной цели совершения сделки [6]. Отчуждение принадлежащего должнику актива в ре-

зультате совершения спорной сделки дарения привело к тому, что из состава имущества должника безвозмездно было ликвидное имущество, подлежащее включению в конкурсную массу, за счет которого кредиторы могли получить удовлетворение своих требований.

На практике известны частные случаи распространения режима общей совместной собственности на имущество, приобретенное супругами до брака, которое по общим правилам ст. 35 Семейного кодекса Российской Федерации (СК РФ) [7] является собственностью каждого из супругов.

Фактические брачные отношения, в период существования которых должник отчуждает по возмездным сделкам имущество своей фактической супруге, а затем вступает с ней в законный брак, могут быть приравнены к законному браку в делах о несостоятельности (банкротстве) должника. А сделки такого должника, совершенные во время фактического проживания, могут быть признаны недействительными. Для того чтобы привести надлежащие доказательства, арбитражному управляющему и кредиторам необходимо сформировать убедительную доказательственную базу.

Так, в постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 28.09.2017 г. № Ф09-9670/16 было отмечено, что, рассматривая спор, суды первоначально исходили из того, что на момент совершения оспариваемых сделок должник и супруга по отношению друг к другу не являлись заинтересованными лицами по смыслу ст. 19 Закона о банкротстве. Учитывая это обстоятельство, а также факт совершения сделок (с жилым домом и тремя земельными участками) за полтора года до заключения брака, суды посчитали, что ответчик – супруга – не имела очевидного интереса в неправомерном выводе активов должника с целью избежать их ареста и обращения на них взыскания. Вместе с тем при повторном рассмотрении дела суды установили, что за полтора года до регистрации брака должник и его супруга уже находились в близких, доверительных, фактических брачных отношениях, проживали совместно, вели совместное хозяйство; кроме того, имели совместный интерес в предпринимательской деятельности, были учредителями хозяйственного общества. Все эти факты были установлены финансовым управляющим, который получал ответы на свои запросы из государственных и иных органов и организаций, из управляющих компаний и др. Кроме того, к участию в деле было привлечено множество свидетелей, подтвердивших факты совместного проживания, воспитания ребенка, ведения совместного хозяйства должником и его супругой еще до регистрации брака. Исковые требования финансового управляющего были удовлетворены частично, что позволило увеличить, хотя и не намного, конкурсную массу (ввиду последующего пересмотра судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам, связанным с необходимостью исключения из конкурсной массы жилого дома как единственного жилья и земельного участка, на котором он находится, в порядке ст. 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [8]).

В данном случае суд при оценке доводов о пороках сделок не ограничился проверкой соответствия документов установленным законом формальным требованиям. Как следует из разъяснений Верховного суда РФ, необходимо принимать во внимание и иные доказательства, в том числе об экономических, физических, организационных возможностях кредитора или должника осуществить спорную сделку. Формальное составление документов об исполнении сделки не исключает ее мнимость [9].

В правовой позиции, изложенной в Определении Верховного Суда РФ от 23.07.2018 № 305-ЭС18-3009 по делу № А40-235730/2016, также говорится о повышенном стандарте доказывания в делах о банкротстве, из которого следует, что установленными могут быть признаны только те требования, в отношении которых представлены достаточные доказательства наличия и размера задолженности. Требование, основанное на факте передачи денежных средств, должно подтверждаться не только, например, распиской или квитанцией к приходному кассовому ордеру, но и доказательствами, подтверждающими финансовые возможности кредитора предоставить должнику соответствующие денежные средства. Исследованию подлежит и сама возможность по исполнению сделки. Примером, подтверждающим сложное правовое положение фактического супруга в имущественных отношениях, является дело № А38-8535/2016, рассмотренное Арбитражным судом Волго-Вятского округа 21.02.2018. При получении займа в заявлении гражданин-должник указал, что по адресу регистрации с ним совместно проживает его фактическая жена, а в качестве возможного вида обеспечения названо предоставленное ею позже поручительство. Сумма займа получалась такими лицами для общих целей, по взаимному согласию. Решением суда с должника и его де-факто супруги был солидарно взыскан долг по договору займа, после чего последняя обратилась в суд с заявлением о включении в реестр требований кредиторов в сумме выплаченного долга по договору займа. Суд подытожил, что если лица фактически состоят в браке, то исполнение заемных обязательств супруга порождает встречное требование к нему, нормы об общей совместной собственности в таком случае применению не подлежат, поскольку такое обязательство в деле о банкротстве нельзя признать общим [10]. Кроме того, поскольку отсутствуют доказательства, что указанные лица действовали с целью создания искусственной задолженности должника и последующего вывода его активов и что сожительница являлась «дружественным» кредитором должника, то правовые основания для применения к возникшим отношениям правил ст. 10 ГК РФ о злоупотреблении правом отсутствуют.

Отметим, что законодатель достаточно индифферентно относится к такой форме связи, как фактический брак, указанные отношения не подвергаются в полном объеме семейно-правовому регулированию. В этой связи представляются во многом обоснованными выводы тех авторов, которые полагают, что такая модель организации семейной жизни, как фактические брачные отношения, обладает признаком

фиктивности, поскольку участники соответствующего союза не преследуют цели создания семьи. Предпосылки, мотивы и причины создания фактического брачного союза, его содержание и логика существования обусловлены исключительно злоупотреблением фактическими супругами своими частными интересами. Кроме того, как отмечалось в правовой литературе, необходимость применения предусмотренных законом для отдельных категорий служащих правил декларирования доходов супруга (супруги) привела к росту числа не только «фактических браков», но и фиктивных разводов [11]. Таким образом, остается неясной ситуация, связанная с порядком установления в каждом конкретном случае статуса лиц рассматриваемой категории, а значит, каждый раз при оценке правового положения фактических супругов в конкретных имущественных правоотношениях выводы судов не являются однозначными.

Безусловно, законом защищаются личная и семейная тайны гражданина (ст. 150 ГК РФ), а ст. 8 «Конвенции о защите прав человека и основных свобод» [12], признавая право каждого на уважение его личной и семейной жизни, не допускает вмешательства со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности, защиты прав и свобод других лиц. Тем не менее взаимопроникновение публично-правовых и частноправовых элементов в семейно-правовую сферу является общей тенденцией развития семейного законодательства России [13]. Семейная политика, проводимая государством, направлена на поддержку, укрепление и защиту семьи как фундаментальной основы российского общества. К традиционным семейным ценностям, провозглашаемым в Российской Федерации, относятся, в первую очередь, ценности брака, характеризующегося определенностью, совместным бытом, воспитанием детей и пр. Устойчивость семейно-правовых связей полностью отвечает интересам государства, и усиление публично-правовых начал в данной сфере связано не только с постоянной защитой интересов детей. Складывающиеся между лицами фактические тесные семейные и социальные связи всегда труднодоказуемы. В итоге заинтересованные лица в конкретной правовой ситуации вынуждены вторгаться в сферу личной жизни гражданина и каждый раз доказывать, что он, например, поддерживает отношения, основанные на имущественных и нравственных обязательствах (фактические брачные, дружеские и иные отношения), с целью, например, предотвращения и урегулирования конфликта интересов на государственной и муниципальной службе, в деятельности коммерческих организаций и, наконец, при рассмотрении дел о несостоятельности (банкротстве).

Как неоднократно отмечалось в решениях Конституционного Суда Российской Федерации, законодатель располагает достаточно широкой свободой

усмотрения в выборе мер защиты семьи и детей, критериев их дифференциации, регламентации условий и порядка предоставления, обеспечивая баланс между конституционно защищаемыми ценностями, публичными и частными интересами, соблюдая при этом принципы справедливости, равенства и соразмерности, выступающие конституционным критерием оценки законодательного регулирования не только прав и свобод, закрепленных непосредственно в Конституции РФ, но и прав, приобретаемых на основании закона [14]. На первый взгляд, было бы логичнее уравнивать в имущественных правах гражданских и фактических супругов [15], внести соответствующие поправки в законодательство с целью более детального правового регулирования и устранения ситуаций неопределенности для лиц, находящихся в фактическом браке.

В 2018 г. был отклонен проект федерального закона о внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации [16], имевший целью распространить условия, предусмотренные СК РФ для заключения брака на фактические брачные отношения и защитить права лиц, состоящих в фактических брачных отношениях. Соответственно, имущество, нажитое лицами, состоящими в фактических брачных отношениях в период их совместного проживания, признавалось бы в этих случаях их общей совместной собственностью. Но законопроект был снят с рассмотрения, поскольку если бы он был принят, излишнее правовое регулирование указанных отношений [17] создало бы еще большую правовую неопределенность в семейной, гражданской и социальной сфере. Таким образом, положение ч. 2 ст. 10 СК РФ о признании государством брака со дня его государственной регистрации в органах записи актов гражданского состояния трансформации не подверглось. По-прежнему фактический союз не влечет за собой никаких правовых последствий, сожительство не является формой брака, а фактические супруги не приобретают никаких взаимных гражданских прав и обязанностей. Исключение сделано лишь для лиц, вступивших в фактические брачные отношения до 08.07.1944, поскольку действовавшие в то время законы признавали равноправными два вида брака – зарегистрированный в органах записи актов гражданского состояния и фактический брак [18].

При фактическом браке применяется правило о раздельной собственности: право собственности на имущество считается принадлежащим исключительно тому лицу, на которого оно зарегистрировано, пока не доказано иное. В соответствии с принципом свободы договора (п. 1 ст. 421 ГК РФ) это не исключает права фактических супругов заключить между собой соглашение о поступлении всего принадлежащего каждому имущества или части уже имеющегося у каждого имущества в их общую долевую собственность. Регламентирование фактических брачных отношений, прежде всего, основано на частно-правовых началах, поэтому имущество может переходить от одного участника фактического союза к другому по любому гражданско-правовому договору: купли-продажи, дарения, договору коммерческого найма жилого поме-

щения, договору безвозмездного пользования, договору простого товарищества и др. В результате, как подчеркивается в научной литературе, регламентация указанных отношений оказалась казуистичной, а соответствующее правоприменение — довольно непредсказуемым [19].

Тем не менее кредиторы и иные заинтересованные лица вправе оспаривать по правилам главы III.1 Закона о банкротстве практически каждую сделку или иное действие, совершенные за счет должника в период подозрительности (в том числе брачный договор, соглашение о разделе общего имущества супругов и др.) [20], а значит, и любые сделки фактических супругов. Точно также, в случае разрыва отношений, сожители могут защитить свои права и разделить имущество, обратившись в суд с иском об определении размера долей и разделе общей долевой собственности [21]. Причем совместное проживание без регистрации брака не приводит к изменению имущественных отношений сторон без надлежащих доказательств [22].

Как отмечалось в Определении Верховного Суда РФ от 25.01.2018 № 310-ЭС17-14013 по делу № А48-7405/2015, институт банкротства граждан предусматривает экстраординарный механизм освобождения лиц, попавших в тяжелое финансовое положение, от погашения требований кредиторов – списание долгов, чем в определенной степени ущемляются права кредиторов. В этой связи к гражданину-должнику законодателем предъявляются повышенные требования в части добросовестности, подразумевающие, помимо прочего, честное сотрудничество с финансовым управляющим и кредиторами, открытое взаимодействие с судом.

В ряде постановлений арбитражных судов указывается, что в компетенцию арбитражного суда не входит установление фактических брачных отношений, а закон о банкротстве не связывает заинтересованность лиц с обстоятельствами фактических брачных отношений (Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 14.08.2012 по делу № А70-1026/2011; Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 02.10.2017 № 12АП-9125/2017 по делу № А57-25657/2015). При исследовании института банкротства не преследуется цель определения юридических критериев законного брака или фактических отношений. Но потребность доказывать в судебном порядке факт сожительства может возникнуть только в конфликтных ситуациях распада фактических отношений, смерти одного из сожителей и т.д. [23].

Если фактические брачные союзы по разным причинам в минимальной степени учитываются законодателем, это не означает, что в конкретных практических ситуациях, связанных с распоряжением имуществом, это полностью исключает злоупотребление своими гражданскими правами со стороны сожителей, чьи имущественные интересы очень часто преследуют цель скрыть свое имущество от кредиторов.

В настоящий момент существуют иные позиции, изложенные в актах Верховного Суда Российской Федерации (Определение Верховного Суда Российской

Федерации от 15.06.2016 № 308-ЭС16-1475; Определение Верховного Суда Российской Федерации от 26.05.2017 по делу № А12-45751/2015), которые исходят из повышенного стандарта доказывания применительно к различным правоотношениям, из которых возникли обязательства гражданина-должника при банкротстве. Доказывание в деле о банкротстве факта общности экономических интересов допускается через призму аффилированности юридической, что не исключает необходимость учитывать аффилированность фактическую, предполагающую связанность интересов и действий. Последняя проявляется через поведение фактических супругов в гражданском обороте и, прежде всего, в заключении между собой сделок и последующем их исполнении на условиях, которые значительно отличаются от стандартных рыночных условий, при этом фактическая зависимость должника возможна и часто не обусловлена наличием (отсутствием) формально-юридических признаков аффилированности. Поэтому расторжение брака между супругами и наличие соответствующего свидетельства могут и не подтверждать окончание (продолжение) иной фактической связи, а значит, и прекращение доверительных отношений между этими лицами.

Исходя из правила системного толкования, положения норм главы III.1 Закона о банкротстве применяются, если доказано недобросовестное поведение (злоупотребление) правом обеих сторон сделки (фактических супругов) и осуществление ими права исключительно с намерением причинить вред кредиторам должника или с намерением реализовать иной противоправный интерес, не совпадающий с обычным хозяйственным (финансовым) интересом сделок такого рода. Для признания факта злоупотребления правом, в ущерб интересам кредиторов, при заключении сделки должно быть установлено наличие умысла у обоих участников сделки (их сознательное, целенаправленное поведение) на осуществление противоправной цели. Имевшее место злоупотребление правом (ст. 10 ГК РФ) так или иначе предполагает очевидные потери в имуществе при отсутствии разумных экономических причин, носит явный характер, при котором не остается сомнений в истинной цели совершения сделки. Согласованность действий сторон спорных взаимоотношений, предшествующих возбуждению дела о банкротстве, предполагается вне зависимости от наличия (отсутствия) формально-юридических признаков аффилированности (через родство или свойство с должником) при наличии доказательств иной заинтересованности (например, должник и его фактическая супруга воспитывают совместного ребенка, осуществляют совместную трудовую деятельность или деятельность под руководством одного из них, участвуют совместно в судебных спорах и т.д.).

Безусловно, судебные органы каждый раз по-разному интерпретируют правовые последствия участия фактических супругов в тех или иных договорных, корпоративных и иных имущественных отношениях. Суды в каждом конкретном случае должны исследовать доказательственную базу, свидетельствующую о фактическом возникновении или сохранении

брачных отношений между конкретными лицами. Следует учитывать и то обстоятельство, что возможно параллельное поддержание фактических брачных отношений гражданина с двумя и более лицами, осложненных гражданско-правовыми обязательствами.

Обращает на себя внимание тот факт, что фактические супруги находятся в более «выигрышном» положении в сравнении с законными супругами должников, поскольку на них не распространяет свое действие п. 7 ст. 213.26 Закона о банкротстве. Собственное имущество фактического супруга не может быть продано с молотка за долги его «второй» половины.

Представляется необходимым совершенствование подходов законодателя и правоприменителя к фактическим брачным отношениям при рассмотрении дел о несостоятельности (банкротстве) одного или обоих фактических супругов или супругов, находящихся в зарегистрированном браке, но фактически прекративших брачные отношения. Несмотря на то что это, казалось бы, две совершенно разные категории фактических брачных отношений, но они схожи по своим правовым последствиям, прежде всего, для кредиторов должника (должников), а также для фактического супруга, не являющегося банкротом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 27.12.2018 г.) «О несостоятельности (банкротстве)». URL: www.consultant.ru
2. Османова Д.О. Отношения родства или свойства как инструмент для злоупотреблений при несостоятельности (банкротстве) // Предпринимательское право. Приложение «Право и бизнес». 2018. № 3. URL: www.consultant.ru
3. Носкова Ю.Б., Козлова Ю.Н. Совместная собственность супругов в Российской Федерации и Республике Узбекистан: компаративный подход. Актуальные проблемы цивилистических отраслей права : сб. науч. трудов. Екатеринбург : Урал. юрид. ин-т МВД России, 2018. Вып. 17. С. 45.
4. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III. 1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». URL: www.consultant.ru
5. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве». URL: www.consultant.ru
6. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25.11.2008 № 127 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации». URL: www.consultant.ru
7. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (в ред.). URL: www.consultant.ru
8. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (в ред.). URL: www.consultant.ru
9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». URL: www.consultant.ru
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан». URL: www.consultant.ru
11. Замрий О.Н. Фиктивность в фактических брачных отношениях: содержание и формы интересов // Северо-Кавказский юридический вестник. 2017. № 2. С. 66–70. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29432373>
12. «Конвенция о защите прав человека и основных свобод» (Заключена в г. Риме 04.11.1950) с изм. от 13.05.2004 г. URL: www.consultant.ru
13. Левушкин А.Н. Судебное усмотрение при разрешении семейно-правовых споров: объективная необходимость или проблемы законодательной практики? // Пятый Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 24–25 октября 2014 г.) : избранные материалы / отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М. : Статут, 2015. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30533264>
14. Определение Конституционного Суда РФ от 25.01.2018 № 175-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданки Мамедовой Айгюн Ханкиши кызы на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 части 1 статьи 3 Федерального закона “О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей”»; Определение Конституционного Суда РФ от 28.09.2017 № 2110-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Серой-Раутанева Валерии Владимировны на нарушение ее конституционных прав частью 1 статьи 3 Федерального закона “О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей”». URL: www.consultant.ru
15. Катрич Е.В. К вопросу о защите имущественных прав фактических супругов // Совершенствование законодательства в сфере защиты прав человека и гражданина : проблемы и перспективы / отв. ред. Е.М. Якимова. Иркутск : Байкал. гос. ун-т, 2013. С. 106. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21211244>
16. Проект Федерального закона № 368962-7 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 22.01.2018 г.). URL: www.consultant.ru
17. Карпов К.В. О правовой природе фактических брачных отношений // Актуальные проблемы частного права : материалы межвед. науч.-практ. конф. Омск, 2018. С. 23. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36299007>
18. Камалова Э.Н., Фирсова Н.В. Правоотношения собственности лиц, состоящих в фактических брачных отношениях: практические аспекты // Инновационные технологии в образовании и науке : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. / ред. О.Н. Широков [и др.]. 2017. С. 210–213. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29164574>
19. Волочай Ю.А. Виндикация совместно нажитого недвижимого имущества, отчужденного одним из супругов (бывших супругов) без согласия другого из них (в аспекте сравнения права России и Германии) // Российское правосудие. 2015. № 12 (116). С. 45. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24720288>
20. Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 (ред. от 30.07.2013) «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III. 1 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”». URL: www.consultant.ru
21. Дзуцева Д.М., Бутаева Э.С. Раздел имущества, нажитого в фактических брачных отношениях по законодательству Российской Федерации // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации : сб. ст. VI Междунар. науч.-практ. конф. 2018. С. 105. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32592114>
22. Назарова А.С. Правовое регулирование фактических брачных отношений в Российской Федерации и США // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 5 (60). С. 61. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35115403>
23. Малинова А.Г. Семейное право и псевдогендерная идеология // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2017. № 4. С. 102–110. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29899612>

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 ноября 2018 г.

De Facto Marital Relations: Legal Significance and Consequences in Cases of Insolvency (Bankruptcy) of Individuals

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 440, 204–211.

DOI: 10.17223/15617793/440/28

Lyubov B. Gudovicheva, Ural State Law University (Yekaterinburg, Russian Federation); S.S. Alexeev Private Law Research Centre (Ural Branch) (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: gudovicheva2011@yandex.ru

Larisa Yu. Dobrynina, Ural State Law University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: dovre@yandex.ru

Keywords: de facto marital relations; affiliates; marriage contract; divorce; common property; agreement on division of common property; invalid transaction; competitive weight.

The article discusses legal problems connected with the property relations arising between persons who are de facto married in the period of bankruptcy of one of them. The regulation of de facto marriage relations is based on the private-law principles; therefore, property can pass from one participant of the de facto marriage to the other under any civil agreement, including with the purpose to protect the property from creditors. This work represents a complex research of questions of legal property relations of de facto married couples through the practice of the Supreme Court of the Russian Federation and the arbitration practice on cases of citizens' bankruptcy. When analyzing the legal regulation of bankruptcy assets formation in case of one of the de facto spouses' bankruptcy, the following tasks were set to be investigated: cases of common conscientious ownership of property acquired by spouses prior to marriage; the most common transactions of de facto spouses with the aim of creating an artificial debt of one of them or subsequent withdrawal of his/her assets; the problem of ensuring a balance of private and public interests when de facto spouses dispose of their property on the eve of bankruptcy; deficiencies in the legal regulation of property relations of de facto spouses. The methodological basis of the study consists of general scientific and specific methods of studying phenomena and processes, including the dialectical method of cognition, a systematic approach that made it possible to analyze the main problems existing in the area of legal regulation of social relations, an empirical method of studying legislation and law enforcement practice that formed the basis for the collection of information on the issues considered in the work, a comparative legal method, which allowed making a comparison of legal norms, a logical method, as well as dogmatic, logical, and formal legal methods used to systematize data and describe the results obtained during the study for the purpose of their further use. The authors proved that de facto marriages as a family life organization model have signs of fictitiousness as participants of such marriages do not pursue the aim of family creation; such persons are united by other private interests. The law "On Insolvency (Bankruptcy)" enshrines direct legal affiliation, which does not exclude the need for courts, when hearing cases on recognition of transactions invalid, to consider the actual affiliation of de facto married persons. The authors draw a conclusion that, in each case of filing a claim to an arbitration manager regarding the invalidation of a transaction between cohabitants, the court should examine not only the legal status of such persons and the mode of property, but also reasonable economic targets of their transactions.

REFERENCES

1. Consultant.ru. (2018) *Federal Law dated 26.10.2002 No. 127-FZ (ed. on 27.12.2018) "On Insolvency (Bankruptcy)"*. [Online] Available from: www.consultant.ru. (In Russian).
2. Osmanova, D.O. (2018) Kinship relationships as an instrument of abusive practices in insolvency (bankruptcy). *Predprinimatel'skoe pravo. Prilozhenie 3*. (In Russian).
3. Noskova, Yu.B. & Kozlova, Yu.N. (2018) *Sovmestnaya sobstvennost' suprugov v Rossiyskoy Federatsii i Respublike Uzbekistan: komparativnyy podkhod* [Joint property of spouses in the Russian Federation and the Republic of Uzbekistan: a comparative approach]. In: *Aktual'nye problemy tsivilisticheskikh otrasley prava* [Topical issues of civil law branches]. Is. 17. Yekaterinburg: Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
4. Consultant.ru. (2010) *Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 23.12.2010 No 63 "On some issues related to the application of Chapter III. 1 of the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)"*. [Online] Available from: www.consultant.ru. (In Russian).
5. Consultant.ru. (2012) *Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 22.06.2012 No. 35 "On certain procedural issues related to the consideration of bankruptcy cases"*. [Online] Available from: www.consultant.ru. (In Russian).
6. Consultant.ru. (2008) *Information letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 127 dated November 25, 2008, "Review of the practice of the application by arbitration courts of Article 10 of the Civil Code of the Russian Federation"*. [Online] Available from: www.consultant.ru. (In Russian).
7. Consultant.ru. (1995) *The Family Code of the Russian Federation of December 29, 1995, No. 223-FZ*. [Online] Available from: www.consultant.ru. (In Russian).
8. Consultant.ru. (2002) *The Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14.11.2002 No. 138-FZ*. [Online] Available from: www.consultant.ru. (In Russian).
9. Consultant.ru. (2015) *Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2015, No. 25 "On the application by courts of certain provisions of Section I of Part one of the Civil Code of the Russian Federation"*. [Online] Available from: www.consultant.ru. (In Russian).
10. Consultant.ru. (2018) *Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 25, 2018, No. 48 "On some issues related to the peculiarities of the formation and distribution of the bankruptcy estate in citizens' bankruptcy cases"*. [Online] Available from: www.consultant.ru. (In Russian).
11. Zamriy, O.N. (2017) fictitiousness in actual marriage relations: the content and the form of interest. *Severo-Kavkazskiy yuridicheskiy vestnik – North Caucasus Legal Vestnik*. 2. pp. 66–70. [Online] Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29432373>. (In Russian).
12. Consultant.ru. (2004) "Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms" (concluded in Rome on 04.11.1950) amended on 13.05.2004. [Online] Available from: www.consultant.ru. (In Russian).
13. Levushkin, A.N. (2015) *Sudebnoe usmotrenie pri razreshenii semeyno-pravovykh sporov: ob"ektivnaya neobkhodimost' ili problemy zakonodatel'noy praktiki?* [Judicial discretion in resolving family law disputes: an objective necessity or problems of legislative practice?]. In: Golubtsov, V.G. & Kuznetsova, O.A. (eds) *Pyatyy Permskiy kongress uchenykh-yuristov (g. Perm', 24–25 oktyabrya 2014 g.): izbrannyye materialy* [Fifth Perm Congress of Legal Scientists (Perm, October 24–25, 2014): selected materials]. Moscow: Statut. [Online] Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30533264>.
14. Consultant.ru. (2018) *Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 25.01.2018 No. 175-O "On refusal to accept complaints from citizen Aygun Khankishi kzy Mamedova about violation of her constitutional rights by Clause 1 of Part 1 of Article 3 of the Federal Law "On Additional Measures of State Support for Families with Children"*. [Online] Available from: www.consultant.ru. (In Russian).

15. Katrich, E.V. (2013) K voprosu o zashchite imushchestvennykh prav fakticheskikh suprugov [On the issue of the protection of property rights of de facto spouses]. In: Yakimova, E.M. (ed.) *Sovershenstvovanie zakonodatel'stva v sfere zashchity prav cheloveka i grazhdanina: problemy i perspektivy* [Improvement of legislation in the field of protection of human and civil rights: problems and prospects]. Irkutsk: Baykal State University. [Online] Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21211244>.
16. Consultant.ru. (2018) *Draft Federal Law No. 368962-7 "On Amendments to the Family Code of the Russian Federation" (edited and amended by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, text as of January 22, 2018)*. [Online] Available from: www.consultant.ru. (In Russian).
17. Karpov, K.V. (2018) [On the legal nature of the de facto marriage relations]. *Aktual'nye problemy chastnogo prava* [Topical issues of private law]. Proceedings of the Interdepartmental Conference. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. [Online] Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36299007>. (In Russian).
18. Kamalova, E.N. & Firsova, N.V. (2017) [Legal relations of property of persons who are in de facto marital relations: practical aspects]. *Innovatsionnye tekhnologii v obrazovanii i nauke* [Innovative technologies in education and science]. Proceedings of the International Conference. In 2 vols. Cheboksary: Tsentr nauchnogo sotrudnichestva "In-teraktiv plus". pp. 210–213. [Online] Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29164574>. (In Russian).
19. Volochay, Yu.A. (2015) Vindication of Jointly Acquired Immovable Property Alienated by One of Spouses (Former Spouses) without Consent of Other One (in terms of Comparison of the Russian and German Law). *Rossiyskoe pravosudie – Russian Justice*. 12 (116). [Online] Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24720288> (In Russian). DOI: 10.17238/issn2072-909X.2015.12.41
20. Consultant.ru. (2010) *Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 63 dated December 23, 2010 (as amended on July 30, 2013), "On some issues related to the application of Chapter III.1 of the Federal Law 'On Insolvency (Bankruptcy)'"*. [Online] Available from: www.consultant.ru. (In Russian).
21. Dzutseva, D.M. & Butaeva, E.S. (2018) [Division of property acquired in de facto marital relations under the laws of the Russian Federation]. *Sovremennaya yurisprudentsiya: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovatsii* [Modern jurisprudence: current issues, achievements and innovations]. Proceedings of the VI International Conference. Penza: MTsNS "Nauka i Prosveshchenie". [Online] Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32592114>. (In Russian).
22. Nazarova, A.S. (2016) Pravovoe regulirovanie fakticheskikh brachnykh otnosheniy v Rossiyskoy Federatsii i SShA [Legal regulation of de facto marital relations in the Russian Federation and the United States]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya – Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 5 (60). pp. 61. [Online] Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35115403>.
23. Malinova, A.G. (2017) Family law and pseudogender ideology. *Elektronnoe prilozhenie k Rossiyskomu yuridicheskomu zhurnalu – Electronic supplement to "Russian Juridical Journal"*. 4. pp. 102–110. [Online] Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29899612>. (In Russian).

Received: 01 November 2018